

К проблеме авторского стиля в русской поэзии XVII века

Проблема авторского стиля для поэзии XVII в. является весьма сложной: из-за каноничности древнерусской литературы многие обнаруживаемые исследователями черты будут скорее признаками принадлежности поэта к определенной литературной школе, нежели индивидуальными особенностями его стиха. Так, например, «приказных» авторов отличает широкое использование набора поэтических формул бытового содержания, стихотворцы Новоиерусалимской школы в большей степени ориентированы на религиозные гимны, ученики Симеона Полоцкого усваивают традиционные рифмы и образы в духе панегирической поэзии.

Опыт описания поэтического стиля одного автора был предпринят И. П. Ереминым [Еремин 1948]. В статье «Поэтический стиль Симеона Полоцкого» исследователь говорит об интересе поэта к курьезным предметам, сюжетам и образам, стихотворным анекдотам; об использовании графики, приеме заключения поэтических строк в символическом изображении (фигурные стихи). При этом И. П. Еремин указывает на то, что мысль Полоцкого неизменно следует от образа к логической интерпретации, поэтому исследователь называет иносказание основополагающим приемом поэзии Симеона. Однако на иносказании строятся и вирши «приказных» поэтов. Двострочий из наследия приказной школы, сложенных на основе уподобления, можно привести не одну сотню, все они будут аналогичны примерам из Полоцкого.

И. П. Еремин также обращает внимание на факты вытеснения содержания формой в стихах Симеона. После занимательной истории у Полоцкого может следовать самый неожиданный вывод, вместо морали о кротости поэт повествует о людях, разговаривающих

в храме: проходной мотив становится ключевым в авторской интерпретации сюжета [Полоцкий 2004: 45–46]. Это же явление можно наблюдать в поэзии «приказных» авторов, за счет чего в текстах обнаруживаются фактические ошибки: рубин называется зеленым, потому что для автора важнее выстроить аналогию драгоценного камня — нравственного достоинства, нежели задумываться о реальных свойствах описываемого предмета [Виршевая поэзия 1989: 202].

Большинство наблюдений, сделанных И. П. Ереминым на материале текстов Полоцкого, можно применить к поэзии XVII в. в целом, поэтому обозначенные признаки не являются чертами авторского стиля. И все же личность Симеона как основателя литературной школы незаурядна, а его творческое наследие очень велико. Хотя в настоящее время такая работа не проделана, научное описание авторского стиля представляется возможным как для Симеона Полоцкого, так и для наиболее ярких представителей приказной школы стихотворства.

Характерные черты (акrostихи с просьбами бытового содержания, эмблематическое толкование имен, шифры, параллелизмы, продолжительные стихотворные пересказы цитат из авторитетных текстов и др.) прослеживаются в большей или меньшей степени у всех авторов, принадлежащих к приказной школе. Между тем можно назвать поэта, чье творчество дошло до нас в наибольшем объеме. Справщику Савватию с уверенностью атрибутируются 18 посланий: на авторство указывают имеющиеся в текстах подписи и акrostихи. Исследователь Л. С. Шептаев [Шептаев 1965] опубликовал семь из них, снабдив тексты историко-литературным комментарием. Но из индивидуально-авторских черт Л. С. Шептаев выделяет лишь частое использование Савватием анаграмм, близость к народному стиху и сугубо бытовые поводы для написания посланий. Первое и последнее являются общим местом для произведений авторов приказной школы, что же касается особой связи с фольклорной традицией, то она выражается непоследовательно.

Стиль произведений справщика Савватия различается в зависимости от цели автора. К примеру, послание к высокопоставленной особе с просьбой о покровительстве будет пестреть параллельными иносказаниями, достойных пера Симеона Полоцкого:

Ароматныя воды сладостне обонянии обоневают,
Любомудрых же словеса не мнее того служи наслаждают
Елень течет на источники водныя,
Како же разумный муж не потечет на словеса благия?
Солнечный свет разгоняет облак темный,
Есть бо и мудроумный разрешает ум недоуменный.
Юхает сладостне кедровыя древеса во обонянии,
Соудивляют же мудрых словеса в наказании
[Виршевая поэзия 1989: 162].

В произведениях обличительного характера будет меньше сентенций и иносказаний, больше прямых обращений к адресату, возможна ирония:

И в том нас не позазри, что пишем к тебе простовато,
Сам ты горазд писать мудровато
[Виршевая поэзия 1989: 196].

В истории древнерусской литературы неоднократно делались попытки описания стиля и последующей атрибуции произведения путем изучения словесных формул. Применительно к виршам XVII в. эффективность этого метода является весьма неоднозначной, поскольку на первых порах своего существования древнерусская книжная поэзия характеризуется возможностью неоднократного воспроизведения отдельных стихотворных формул и целых поэтических пассажей в рамках литературного канона. С одной стороны, цитация и отсылка к авторитетным источникам является частью литературного этикета, а с другой стороны, авторы независимо друг от друга могут вырабатывать некие формулы. Так, например,

А. С. Орлов на материале воинских повестей определил, что формулы «в большинстве случаев повторялись не вследствие текстуального заимствования, а просто благодаря тому, что в сознании их авторов воинские картины облекались стереотипными выражениями хорошо знакомого книжникам литературного рода» [Орлов 1902: 3]. Но в виршах за счет их особой стихотворной структуры длина повторяемого фрагмента может варьироваться от простого формульного словосочетания до двух, четырех, шести и более повторяющихся строк.

Старец Феоктист в ответном послании к Лариону воспроизводит 14 начальных стихов из текста последнего: именно столько необходимо повторить, чтобы получилось начало акростиха «старецгосподар». По версии исследователей В. К. Былинина и А. А. Илюшина [Виршевая поэзия 1989] между стихотворениями справщика Савватия «О слабом обычае человеческом» и Антония Подольского «Послание к некоему» есть пересечение в виде 17 строчек дословно воспроизводимого текста с незначительной правкой, тогда как А. М. Панченко [Панченко 1973: 252–259], публикуя последний из этих текстов (по списку МГАМИД-250), на основании наличия в стихотворениях «почти буквально совпадающих» стихов атрибутирует и его Савватию. Позже полная редакция этого произведения была обнаружена в рукописном сборнике Антония Подольского.

Подобных примеров сомнительной атрибуции достаточно. В связи с этим полезно будет подробнее поговорить о возможности определения автора методом сопоставления поэтических формул. Рассмотрим тексты двух предисловий: вступительные вирши к Цветнику [МГАМИД-250: 233–345] и «Предисловие к Царственной книге, сиречь к Гранографу» [Виршевая поэзия 1989: 312–319].

В общих чертах оба текста представляют собой кратко изложенную хронику византийских императоров. Называются «благочестивые» цари: Константин, Елена, Устиниан, Михаил, Феодора, —

а также «законопреступник» Юлиан, «прелютый враг» Анастас, «злообразный» Лев и др. В самом начале оговаривается, что императоры как бы делятся на три группы: «добродетельные мужи», которым следует подражать; правители, сотворившие много добра, но «не до конца житие свое добре» проведшие, — о таких нужно печалиться; наконец, «самые злые», которые заслужили только проклятия потомков. Кроме того, в текстах содержатся общие нравственно-религиозные рассуждения, а также используется несколько традиционных образов-символов.

Оба рассматриваемых стихотворения представляют собой порченные тексты, в них присутствуют разного рода фактические и грамматические ошибки. Ярким примером фактической ошибки является последовательное искажение смысла в предисловии к Хронографу, когда речь заходит о добродетельных императорах:

Предисловие к Цветнику	Предисловие к Хронографу
Начат ко благочестию гонити	Начат благочестие гонити
И тако же в благочестие свое храниша	И тако же в благочестие гониша
И о благочестие и веру добре возлюбиста	И по благочестие добре гониста

В предисловии к Хронографу употреблен эпитет *гноетезнаго*, который в тексте предисловия Цветника заменяется на *злое тазнаго*. Предисловие к Цветнику более развернутое, но в предисловии к Хронографу избирательно опущены некоторые фрагменты. Тексты дополняют друг друга, и на основании этого некоторые места предполагаемого протографа можно реконструировать. К примеру, предисловие к Хронографу имеет развернутое вступление, но ему не хватает финала, который восстанавливается по предисловию к Цветнику. По всей вероятности, между этими списками были и другие, но протограф предисловия к Хронографу был создан раньше. Автор предисловия к Цветнику опирался на раннюю редакцию предисло-

вия к Хронографу при создании своего собственного текста. На это указывает содержательная правка, которая, по-видимому, связана с тремя причинами:

1) с изменением жанра последующего текста, на который ориентировано предисловие (Временник следит за хронологией, в Цветнике это скорее набор сюжетов);

2) с поэтической правкой, из-за которой меняется также композиция текста (замена рифмообразующего слова):

Предисловие к Цветнику	Предисловие к Хронографу
О всем же сем скажет предобрественная сия книга Криница. Украшенная повестьми и сказы аки царская багряница	О всем же сем скажет предобрая сия книга, Сочинена бо аки некая протяженная золотая верига.

3) с исключением тех мест, где пафос обличения в предисловии к Цветнику наиболее ярко выражен. Так, говоря о неблагочестивых византийских царях, автор предисловия к Хронографу предпочитает избегать прямого осуждения и не распространяется о тех наказаниях, которые ожидают грешников после смерти. Также он последовательно избегает подробных рассказов о преступлениях деспотов и о ересь. Например, об императорах «третьей группы» говорится:

Предисловие к Цветнику	Предисловие к Хронографу
О самех же злых несть потреба стужати, Паче же достоит их проклинати. Понеже зло дело содеваху И кровь христианскую проливаху.	О самых злых несть треба стужати, понеже всякому злomu нужна ответ Богу дати.

Принимая во внимание значительную содержательную правку, возможно, имеет смысл говорить о наличии второго автора, а не очередного переписчика. Однако А. М. Панченко рассматривает оба источника как редакции одного произведения. При этом на основании анализа поэтических формул исследователь делает вывод, что справщик Савватий является автором предисловия. А. М. Панченко утверждает: «Авторство Савватия устанавливается совершенно бесспорно. Здесь, правда, нет акростиха, но есть специфическая скрепа, характерная для Савватия:

слагал простой монах,
а не еромонах»
[Панченко 1973: 59].

Исследователь сравнивает данный текст с посланием Савватия Михаилу Федоровичу:

Бьет челом...
Простый многогрешный монах,
А не еромонах
[Виршевая поэзия 1989: 207].

Действительно, стихотворная формула, на которую указывает А. М. Панченко, не находит повторения — как в текстах других авторов, так и в известных нам произведениях Савватия. Однако вероятность воспроизведения одной и той же формулы у авторов, принадлежащих к приказной школе (за счет их тесного общения в рамках стихотворной переписки), очень велика, поэтому имеет смысл взглянуть на другие стихотворения этого времени.

Например, формула, составленная по той же схеме, находится в стихотворном изложении Василия Великого, сделанного неизвестным автором:

Бывай подражатель Христов,
А не Анътихристов
[Виршевая поэзия 1989: 334].

Кроме того, одним из аргументов в пользу авторства Савватия А. М. Панченко называется встречающееся в тексте выражение *любвнный союз*. Но и сам исследователь замечает, что использование этого понятия является одним из частных признаков приказной школы. Поэтому выражения *духовный союз* или *любвнный союз* обнаруживаются у целого ряда авторов приказной школы: помимо Савватия, это Стефан Горчак и его сын, старец Феоктист, Петр Самсонов [Панченко 1973: 50].

В текстах предисловий присутствуют и другие формулы, характерные для приказной школы. Традиционное двоестрочие с композиционной функцией указания на окончание текста или смыслового фрагмента — одна из наиболее распространенных формул. Часто она связана с образом корабля, идущего к пристани, — в этом варианте формула известна еще по приписке к Лаврентьевской летописи. В анализируемых предисловиях формула встречается дважды:

О том же нам несть треба зде писати,
подобает нам настоящее слово гнати
[Виршевая поэзия 1989: 313].

О прочих же таковых враг не у же время написати,
Подобает кораблю ко пристанищу пристати
[Виршевая поэзия 1989: 317–318].

В пользу авторства Савватия говорят аналогичные строки из его подписанных посланий:

Вяцши уже того не имам что к тебе писати,
уже подобает кораблю ко пристанищу стати
[Виршевая поэзия 1989: 182].

И уже ми время о сем престати
и обремененному кораблю ко пристанищу стати
[Виршевая поэзия 1989: 174].

Но надо заметить, что аналогичных примеров реализации формулы в творчестве других поэтов приказной школы (Стефана Горчака и его сына, Михаила Злобина, Петра Самсонова, а также Антония Подольского) насчитывается более двадцати, хотя далеко не все примеры будут столь схожи со строками из предисловий:

Вящши того уже не имам что к тебе писати.
Подобает кораблю к пристанищу стати
[Виршевая поэзия 1989: 34].

А уже не вем паки, что к тебе, государыни моей, написати
и таковыми словесы своими тебя утешати
[Виршевая поэзия 1989: 245].

Также в пользу концепции А. М. Панченко говорит следующее сходство между фрагментом одного из предисловий и послания Савватия:

Что сладчайши медвенныхъ сотовъ
Что же убо дражайши добродѣтельныхъ плодовъ
Медвении убо согове гортан услождают
Добродѣтельныя же плоды к горнему селению душу возвышаютъ
[МГАМИД-250: 241].

Медвенный сот сладок есть во устах,
Бывает же и мудр муж приятен во тмах.
Источник сладок добре жажду утоляет,
Есть же и доблоразумный муж словесы своими аки медом услаждает
[Виршевая поэзия 1989: 162].

У иных поэтов приказной школы образ медовых сот, связанный с темой мудрости и добродетели, не получает четкого выражения в виде словесной формулы:

По сем начинается сия блаженная книга чести,
Аки камение драгое и бисерие нести,
Или яко медвеня соты вкушати
[Виршевая поэзия 1989: 237].

Предисловие к Хронографу начинается с развернутого параллелизма: воздействие на человеческую душу «божественного писания» сопоставляется с благотворным влиянием солнечного света:

Солнце убо согревает плоды земныя,
Божественное писание наводит мыли благия
[Виршевая поэзия 1989: 314].

Строки справщика Савватия, которые могли бы быть на стилистическом и словесном уровнях сопоставимы с данными, были приведены в начале статьи («Солнечный свет разгоняет облак темный, // Есть бо и мудроумный разрешает ум недоуменный»). Но сходные мотивы можно наблюдать и в предисловии к «Шестодневу», и в стихах Ермолая Азанчеева:

Солнце светлостию своею аще и всю тварь озаряет,
сия же писания вящше того всех человек неведение разрешает
[Виршевая поэзия 1989: 294].

Елико во звездах пречестна солнечная красота,
В благочестивых же, ей, толика изящная доброта
[Виршевая поэзия 1989: 257].

В предисловии к Цветнику (соответствующий фрагмент в предисловии к Хронографу опущен) обнаруживается стихотворная формула с опорными словами «конец» – «венец», также популяр-

ная как среди авторов приказной школы, так и в более раннюю эпоху. Однако, несмотря на такое широкое распространение, ни в одном из известных стихотворений справщика Савватия данная формула не встречается. Вот некоторые, наиболее показательные, примеры:

<i>Стихотворная формула с рифмообразующими словами «конец» – «венец»</i>	
Реализация формулы	Источник
И сему предисловию конецъ А добръживущимъ от Бога нетлѣнныи вѣнецъ	Предисловие к Цветнику [МГАМИД-250: 244 об.].
И сему писанейцу — конец. А творящему злое не будет от бога венец.	А. Подольский Послание к некоему горду и величаву [Виршевая поэзия 1989: 34].
А сему писанию и наказанию конец, А вам бы от Христа бога получитьи нет- ленный венец.	С. Горчак Виршевой домострой [Виршевая поэзия 1989: 138].
Горе тебе, человеце, яко своего жития веси минутие и конец, А не подражаеш праведным, им же Христос подаст нетленный венец.	Венедикт Буторин [Виршевая поэзия 1989: 378].

Встречается в текстах предисловий и более редкий образ пожилого незрелого колоса, сопряженный с мотивом возмездия, Страшного Суда. Как правило, слово клас занимает в строке концевую, наиболее сильную, позицию — поэтому может получиться двострочие с традиционной рифмой «клас» – «час». Но в данном случае этого не происходит. В предисловии к Цветнику говорится о том, как Господь поразила деспотичных императоров, они называются поименно:

Потом прелютаго же врага Анастаса,
аки бы злоизрастного и нелепаго класса
[МГАМИД-250: 238].

Среди стихотворений справщика Савватия также не обнаружено аналогичных строк, но стихотворная формула имеет место у других авторов приказной школы:

сиречь смертный и страшный и последний час,
пожнет бо много и незрелый клас
[Виршевая поэзия 1989: 46].

Токмо приходит нам зде смертный час,
Много бо пожинает и незрелый клас
[Виршевая поэзия 1989: 284].

Сиречь страшный последний час,
И пожинает бо много незрелый клас!
[Виршевая поэзия 1989: 320].

В текстах обоих предисловий представлена богатая образность, свойственная поэтам 1-й половины XVII в. Автор (или авторы) неоднократно обращается и к традиционному образу сада (винограда), к образу книги, звезды, использует стихотворные формулы; временами появляется самоуничижительный тон, также характерный для эпохи, но чаще это назидание, диктуемое законами жанра.

Изучение авторского стиля на уровне стихотворной формулы, безусловно, имеет значение для атрибуции текстов. Но легко устанавливаемый факт того, что оба предисловия были составлены поэтами приказной школы, создает трудности при определении автора. Признаки принадлежности поэта к школе превалируют над индивидуально-авторским чертами. Стилистическое сходство между поэтами этого направления очень велико, авторы ориентируются на тексты друг друга, отвечая стихами на дружеские послания. Поэтому очень много общих мест в стихотворениях Савватия и Стефана Горчака, поразительны сходства по нескольким формулам между стихами Савватия и Антония Подольского — хотя последний счита-

ется провозвестником книжной поэзии, и к приказной школе его не причисляют. Подобных пересечений фрагментов из рассмотренных предисловий со стихотворениями справщика Савватия примерно столько же, сколько и со стихами Стефана Горчака. По-видимому, плодovitый справщик оказал большое влияние на своих современников. А формулы в предисловиях, которые выглядят сходными с Савватиевскими, слишком приблизительны, в отличие, например, от формул его ближайшего окружения.

СОКРАЩЕНИЯ

Виршевая поэзия 1989 — Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. К. Былинин, А. А. Илюшин. М., 1989.

Еремин 1948 — *Еремин И. П.* Поэтический стиль Симеона Полоцкого // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 6. М.; Л., 1948.

МГАМИД-250 — Российский государственный архив древних актов. Ф. 181 (Собр. МГАМИД). № 250.

Орлов 1902 — *Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902.

Панченко 91973 — *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.

Полоцкий 2004 — *Симеон Полоцкий.* Избранные сочинения. М., 2004.

Шептаев 1965 — *Шептаев Л. С.* Стихи справщика Савватия // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 21. М.; Л., 1965.